

Месть обожаемой
жены ледяного
генерального директора

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора

Cassy_3

**Месть обожаемой жены ледяного
генерального директора. Книга 2**

«China Literature»

Cassy_3

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора. Книга
2 / Cassy_3 — «China Literature», — (Месть обожаемой жены
ледяного генерального директора)

Содержание

51 Красные точки	5
52 Новый союзник	8
53 День спасён	11
54 Король тигров	14
55 Доброе утро, дорогой	18
56 Утреннее угощение	21
57 Эти чёртовы люди	24
58 Извинись	26
59 Ловушка в меду	28
60 Захваченный	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Месть обожаемой жены ледяного генерального директора

51 Красные точки

Прохладный ночной воздух в поместье Байрон ощущался как круг почёта. Макс стоял за спиной Руби, положив руки на перила балкона и словно заключая её в безопасные объятия своей тени.

Он только что пообещал ей, поклявшись всей мощью своей империи, что этот особняк – крепость. Что в этих стенах она неприкосновенна.

А затем появилась красная точка.

Это было крошечное мерцающее пятнышко света, размером не больше божьей коровки, что танцевало на камне. Руби замерла. Она смотрела, как оно пробежало по её костяшкам, а затем поползло по шёлку рукава к её груди.

Осознание обрушилось на неё с силой физического удара. Впервые с тех пор, как начался этот кошмар, вся её напускная храбрость рассыпалась в прах.

– Макс, – прошептала она, её голос был едва слышен и дрожал. – Макс, что это?

Взгляд Макса опустился с горизонта на её плечо. Кровь отхлынула от его лица. В мире элитных киллеров красная точка была не просто огоньком, а фирменным знаком. Это Кровавая Война стучалась в его дверь.

– Я здесь, детка. Я с тобой, – прорычал Макс. Он без колебаний рванулся вперёд, своим массивным телом прикрывая её, словно живым щитом, и потащил к стеклянным дверям.

ТРЕСК.

Звук выстрела из крупнокалиберной винтовки расколол полуночную тишину. Макс не сразу почувствовал боль, лишь резкий толчок, отбросивший его руку назад. Пуля пронзила плоть его бицепса, окропив белый мраморный пол алой дугой.

– Макс! – закричала Руби, когда они оба ввалились в комнату, перекатившись через порог на мягкий ковёр спальни, как раз в тот миг, когда ещё две пули просвистели там, где секунду назад были их головы.

Снаружи поместье взорвалось шумом. Тишину сменили ритмичные звуки ответного огня элитной охраны Макса: их оружие с глушителями «кашляло», пока они выслеживали вспышку выстрела в лесополосе.

Внутри комнаты мир сузился до рыданий Руби. Она стояла на коленях, вцепившись в рубашку Макса, её глаза были широко раскрыты от ужаса. – У тебя кровь... о Боже, Макс, у тебя идёт кровь!

– Это царапина, Руби. Всего лишь задело, – прохрипел Макс, хотя рука болела так, словно её клеймили раскалённым железом. Он попытался сесть, но от адреналина у него поплыло в голове.

– Нет, нет, нет! Ты же обещал! – голос Руби перешёл в истеричный вопль, её руки зависли над раной. Она боялась прикоснуться к нему, но не могла и отстраниться. – Ты сказал, что я в безопасности, ты сказал... пожалуйста, не оставляй меня, Макс! Пожалуйста, не умирай!

У неё была истерика, слёзы застилали ей глаза, пока она смотрела, как тёмное пятно расплзается по его рукаву. Для неё это был конец. Для неё неуязвимый мужчина был сломлен.

– Руби, посмотри на меня, – приказал Макс напряжённым голосом. Он здоровой рукой обхватил её лицо, заставляя посмотреть ему в глаза. – Я никуда не денусь. Посмотри на меня. Я дышу. Я прямо здесь.

– Вызовите врача! Кто-нибудь, помогите ему! – взвизгнула она, повернувшись к двери как раз в тот момент, когда в комнату ворвались Сэмюэл и двое охранников с оружием наготове.

– Медик уже в пути, Босс, – рявкнул Сэмюэл, окинув взглядом балкон, прежде чем опуститься на колени, чтобы помочь Максу добраться до кровати. – Стрелок ушёл. Он растворился в лесу, как только мы открыли ответный огонь.

Охранники подхватили Макса. Он зашипел сквозь зубы, когда они усадили его, прислонив к изголовью кровати. Боль наконец-то начала пульсировать всерьёз. Руби была рядом, не отпуская его руку, её лицо стало маской неподдельного ужаса и любви.

Макс посмотрел на свою руку, затем снова на Руби. Она была в ужасном состоянии: волосы спутались, на щеках – солёные разводы от слёз, а тело дрожало так сильно, что зуб на зуб не попадал. Тогда он понял, что жгучая боль от пули была ничем по сравнению с той болью, что сжала его грудь при виде её в таком состоянии.

Но под страхом в её глазах было что-то ещё. Неприкрытая, отчаянная преданность, в которой она наконец-то призналась вслух. Она любила его. Её ужасал мир, в котором его не будет.

Он откинулся на подушку, и мрачная, кровавая улыбка тронула уголок его рта.

– Оно того стоило, – прошептал он.

– Что? – всхлипнула Руби, прижимая его руку к своей щеке. – Как ты можешь так говорить? В тебя же стреляли!

– Видеть, как ты так переживаешь... – Макс протянул руку и провёл большим пальцем у неё под глазом. – От этого пуля кажется комариным укусом, детка.

Снаружи вдалеке завывали сирены, но в этой комнате Кровавая Война уже одержала свою первую победу: она уничтожила всю ложь, что оставалась между ними.

Тишину в хозяйской спальне нарушало лишь ритмичное, влажное хриплое дыхание Макса. Врачи двигались, словно призраки, их лица за хирургическими масками были мрачны.

– Пуля отравлена, – пробормотал главный врач, осмотрев и перевязав его руку. – Токсин поражает нервную систему. У него температура сорок градусов, и она продолжает расти. Если мы не остановим тремор, у него откажет сердце.

Сэмюэл вцепился в изножье кровати, его костяшки побелели. – У вас лучшая лаборатория в штате. Найдите это чёртово противоядие.

– Мы пытаемся, Сэмюэл, но это не обычный яд, – ответил врач дрожащим голосом. – Он создан так, чтобы его было трудно определить. Это... это фирменный знак. Кто-то хотел, чтобы он страдал перед смертью.

Руби стояла в углу, вонзив ногти в ладони так сильно, что выступила кровь. Вид Макса, её скалы, её защитника, корчащегося в тисках лихорадки, заставлял её задыхаться.

Каждый раз, когда он в бреду стонал её имя, её сердце разрывалось на части. Руби подошла к кровати и дрожащей рукой коснулась лба Макса. От него исходил жар, как от печи. Он пошевелился, его веки дрогнули и приоткрылись, но взгляд был расфокусированным и тонул в море красных прожилок.

– Руби? – прохрипел он, его голос был едва слышен. – Я здесь, Макс. Я прямо здесь.

– Я... буду в порядке, – пробормотал он, его разум унёсся на семь лет назад, во тьму прошлого. – Тогда я не смог заполучить тебя... я не позволю им забрать тебя...

– Никто меня не забирает, Макс. Просто отдыхай. – Сэмюэл посмотрел на неё, и выражение его лица впервые смягчилось. – У него галлюцинации. Жар уносит его разум в прошлое. Руби, тебе лучше уйти в другую комнату. Тебе не стоит видеть его таким.

– Я его не оставлю! – огрызнулась она. Она не могла смотреть, как он умирает. Не могла просто стоять и ждать результатов из лаборатории, пока жизнь покидала его. И в этот

момент телефон Макса, лежавший на тумбочке среди рулонов марли и использованных шприцев, издал резкий, холодный писк.

Руби бросилась к нему. Почувствовав на себе взгляд Сэмюэла, она сделала успокаивающий вдох. – Мне... мне нужна минута. В ванную, – сумела выдавить она.

Как только за ней щёлкнула дверь, она принялась возиться с экраном. Это было сообщение с неизвестного номера.

«Часики тикают, Макс. У меня есть противоядие. Если хочешь, чтобы твоя птичка жила, перепиши поместье Байронов на Сарона. Встретимся на нашем старом месте в полдень. Один. Без охраны. Без Сэмюэла. Просто противоядие в обмен на дело всей твоей жизни. Решай быстрее».

Прочитав сообщение в ванной и поняв, что Вайолет думает, будто пуля попала в неё, а не в Макса, Руби почувствовала, как в груди зарождается холодная, острая решимость. Вайолет думала, что шантажирует Макса жизнью умирающей птички. Она и понятия не имела, что у этой птички выросли когти.

Руби не вернулась в спальню. Она прошла в гардеробную, и её дыхание сбилось, когда она открыла обитый бархатом верхний ящик комода Макса. Там, среди золотых часов и шелковых галстуков, лежал подарок, который он дал ей на крайний случай.

Это был маленький изящный пистолет 22-го калибра, покрытый мерцающим 24-каратным золотом. Он выглядел как игрушка, но Макс сказал ей, что с двадцати шагов он может остановить сердце человека.

Она в последний раз взглянула на экран телефона. «Встретимся на нашем старом месте». Руби знала, где это. Макс упоминал заброшенную часовню на окраине поместья Байронов – место, где они с Вайолет встречались до того, как их мир утонул в крови.

Она сунула золотой пистолет в карман своей просторной куртки, и в её глазах отразился холодный блеск металла. Алекс и охрана были сосредоточены на главных воротах, ожидая нападения целой армии. Они не искали одинокую женщину, проскальзывающую через служебный выход в тёмный лес.

Снаружи светало, ветер начал завывать, заглушая все звуки поместья. Руби шагнула в темноту, и лишь тяжесть золотого пистолета помогала ей держаться на ногах. Вайолет ждала сломленного мужчину, готового сдаться. Вместо этого её ждала встреча с женщиной, которой больше нечего было терять.

Когда тяжёлые железные ворота со щелчком закрылись за её спиной, в морозном ночном воздухе повис вопрос: шла ли Руби за противоядием или напрямиком в ловушку, из которой ей не выбраться живой?

52 Новый союзник

Лес был кладбищем корявых ветвей и пронизывающего холода. Каждый хруст ветки под ботинками Руби звучал, будто ломалась кость, а тени, казалось, тянулись, словно пальцы.

Её била дрожь, но не от холода; это была тяжесть золотого пистолета в кармане и образ бледного, потного лица Макса, выжженный в её сознании.

Ей нужна была машина. Ей нужно было преимущество. И больше всего ей нужен был кто-то, кто будет ей предан.

Она достала телефон, пролистывая имя Сэмюэла и контакты службы безопасности. Она остановилась на Нэнси. Её личная помощница в офисе была тихой, исполнительный и всегда смотрела на Руби со смесью благоговения и доброты.

Телефон прозвонил трижды, прежде чем сонный, встревоженный голос ответил.

– Алло? Миссис Байрон? – Голос Нэнси был густым ото сна, но звучал так, будто она уже пыталась вытянуться в струнку.

– Нэнси, я знаю, что сейчас пять сорок пять утра. Мне так жаль, – прошептала Руби, прячась за толстым дубом, пока луч прожектора охраны скользил по далёким стенам поместья.

– Ох! Нет, что вы, мэм, всё в порядке! Всё хорошо? Вам нужны квартальные отчёты?

– Это не по работе, Нэнси. Это... личная просьба. И опасная, – запнулась Руби, терзаемая чувством вины. Нэнси была всего лишь девушкой, пытающейся заработать на аренду, трудолюбивой девушкой лет двадцати с небольшим, у которой вся жизнь была впереди.

– И пожалуйста... перестань называть меня мэм. У меня никогда не было настоящей подруги. Я надеялась, мы могли бы подружиться.

На том конце провода повисло долгое молчание. Руби почти слышала, как Нэнси садится в кровати, как шуршат простыни. Когда она заговорила снова, её профессиональная маска спала.

– Подругой? – Голос Нэнси смягчился, потеплел. – Я бы хотела, миссис Байрон. Правда хотела бы. Моя машина уже заведена. Просто скажите, куда ехать и что мне нужно делать.

Руби закрыла глаза, и по щеке скатилась одинокая слеза. – Встреть меня на старой служебной дороге у ручья. Возьми тёплое пальто и ни душе не говори, куда едешь. Если кто-то спросит, скажешь, что поехала за доставкой для поместья.

– Буду там через десять минут, – пообещала Нэнси.

–

Руби откинулась на пассажирское сиденье скромного седана Нэнси. Двигатель тихо работал на холостых оборотах, пока они прятались в тени служебной дороги. Руки Нэнси крепко сжимали руль, её глаза были широко раскрыты, но взгляд оставался твёрдым.

– Он едет, – прошептала Нэнси, убирая телефон обратно в сумочку. – Я сказала ему, что ты сама не своя... что Макс у тебя больше наплевать. Я разыграла карту «семилетней истории любви». Он купился на каждое слово.

Руби кивнула, её лицо осветилось слабым зелёным свечением приборной панели. – Хорошо. Сарон сейчас в полном раздрае. Его это притащит его сюда, но чувство вины заставит его помалкивать.

Она вспомнила, как Сарон смотрел на неё до того, как весь мир рухнул, его собственный взгляд, пустые обещания. Теперь он был лишь пешкой в куда более смертельной игре. Пока Акация сидела дома, думая, что наконец-то вернула мужа, Сарон мчался в ловушку, о которой даже не подозревал.

– А теперь, – сказала Руби, и её голос стал резким, – мне нужна взрывчатка.

Нэнси подскочила, резко повернув голову к Руби. На её лице отразилась смесь ужаса и замешательства – такой взгляд, который кричал: «Я помогу тебе спрятаться, но не буду помогать в убийстве».

– Расслабься, – сказала Руби с мрачной, усталой улыбкой. – Пусть даже фальшивка. Просто что-то, что выглядит достаточно устрашающе, чтобы план сработал. Мне нужен рычаг давления, а не трупы.

Нэнси облегчённо выдохнула. Она потянулась на заднее сиденье и достала тяжёлый чёрный кейс. – Я работала над проектом реквизита для технического отдела... Это очень реалистичный муляж для кино. Тут есть мигающие светодиоды, цифровой таймер и достаточно брикетов «Си-четыре», чтобы выглядело, будто это может снести целый квартал. Если ты не взрывотехник, то никогда не догадаешься, что это просто пластик и провода.

– Идеально, – выдохнула Руби, принимая тяжёлый ящик. – Ты моя спасительница, Нэнси. В буквальном смысле.

Они молча ехали к старой часовне, чей разрушающийся каменный шпиль поднимался из тумана, словно зазубренный клык. Примерно за полмили до неё Руби постучала по стеклу. – Остановись здесь... припаркуйся в зарослях, где не будет видно фар. Если услышишь выстрел, уезжай и не оглядывайся. Понятно?

– Руби...

– Пообещай мне, Нэнси.

– Обещаю, – прошептала девушка.

Руби вышла из машины. В одном кармане у неё был золотой пистолет, а «бомбу» она зажала под мышкой. Она не оглянулась. Она пошла к часовне, и холодный воздух кусал её за щёки.

В её мыслях стояло лицо Макса: каким оно было, когда он был здоров, как он улыбался, когда думал, что она не смотрит. Она не была просто временной заменой. Она не была призраком прошлого. Она была женщиной, которая войдёт в змеиное гнездо и заберёт единственное, что имело значение.

Когда она подошла к тяжёлым дубовым дверям часовни, она услышала далёкий рёв мотора. Сарон был близко. А внутри ждала Вайолет с иглой, полной жизни, и сердцем, полным ненависти.

Руби толкнула дверь. Петли завизжали. Из тени Руби наблюдала, как части её ловушки встают на свои места. Она знала эго Серона лучше, чем кто-либо другой; ему нужно было быть героем, тем, кого она «по-настоящему» любит, несмотря на войну, которую они вели.

Нэнси идеально сыграла свою роль: её голос по телефону дрожал ровно настолько, чтобы Сарон поверил, что он единственный, кто может спасти «потерянную» Руби.

Руби стояла за дверью, её просторная рубашка была заправлена под тёмное пальто. Она услышала визг шин и глухой хлопок автомобильной двери. Сарон был здесь. Один.

– Руби? – его голос эхом разнёсся под сводами часовни, звуча встревоженно и с надеждой. – Руби, ты здесь? Нэнси сказала... сказала, что ты в беде.

Он шагнул в тусклый свет часовни. Его глаза были налиты кровью от ночной выпивки, но на лице застыло выражение отчаянной тоски. – Я знал, что ты не это имела в виду вчера, – выдохнул он, протягивая руку, чтобы коснуться её плеча.

– Я знал, что это просто говорило в тебе горе. Макс для тебя ничто, я знаю. Мы можем всё исправить, Руби. Я всё верну, только вернись домой.

Прежде чем он успел сказать что-то ещё, Руби со всей яростью, которую подавляла годами, взмахнула тяжёлой деревянной балкой. ХРЯСЬ. Сарон рухнул, как мешок с камнями.

– Ты и вправду дурак, Сарон, – прошептала она леденящим, монотонным голосом. Она втащила его безвольное тело на стул, и её руки с лихорадочной, отточенной скоростью привязали его запястья к дереву.

Она прикрепила фальшивую бомбу к его груди; красные светодиоды мигали, словно глаза демона. – Ты думал, дело в любви? После того, как ты уничтожил мою мать? После того, как пытался завладеть мной? Нет. Теперь ты просто батарейка для моего рычага давления.

К 23:55 в часовне снова воцарилась тишина. Сарон был в сознании, но с кляпом во рту, и его глаза, полные ужаса, следили за тем, как цифровой таймер на его груди отсчитывает секунды.

Тяжёлые двери со стоном отворились. В лунный свет шагнул силуэт в строгом костюме и фарфоровой маске. Вайолет.

– Что ж, что ж, Макс, – эхом разнёсся голос Вайолет, сочась тошнотворной сладостью. – У меня есть противоядие. Где документы? У меня нет всей ночи, чтобы смотреть, как ты истекаешь кровью.

Пальцы Руби запорхали по экрану телефона Макса. «Они у меня. Возле алтаря. Больше никаких игр», – отправила она.

Вайолет замерла. Она склонила голову набок, её глаза под маской сканировали темноту. Она не двинулась к алтарю. Вместо этого она издала резкий, рваный смешок, от которого у Руби волосы на шее встали дыбом.

– Прости, но это ты тут играешь в игры, – крикнула Вайолет, и сладость в её голосе сменилась зазубренной сталью. – Я чую Макса за много миль. Я знаю его сердцебиение, его запах, и я знаю, что его здесь нет.

– Кто ты? И как ты смеешь занимать его место? – прокричала Вайолет под своды. – Покажись, или я разобью это лекарство о камень прямо сейчас!

Руби вышла из-за колонны, направив золотой пистолет прямо в голову Вайолет. В другой руке она держала детонатор от фальшивой бомбы, прикреплённой к её драгоценному Сарону.

– Пташка выросла, Вайолет, – сказала Руби, и в её голосе звучала сила, о которой она сама не подозревала. – И если ты уронишь этот флакон, твой драгоценный Сарон взлетит на воздух.

– Я знаю, тебе плевать на сына, – промурлыкала Руби, не сводя глаз с Вайолет. – В конце концов, ты бросила его на двадцать лет. Увидеть, как он сгорит в пламени, прямо как моя мать, – это будет той точкой, которой я так долго ждала. Ты получишь место в первом ряду на представлении последних мгновений жизни Макса, поместье Байрон навсегда останется моим, а твоя маленькая игра наконец закончится. Выбор за тобой, Вайолет. Не ошибись.

Вайолет не дрогнула. Вместо этого из её горла вырвался холодный, рваный смех. – Ты смелая, этого не отнять. Но ты блефуешь. Ты хоть знаешь, как пользоваться этой игрушкой в своей руке? – Она сделала хищный шаг вперёд. – В одном ты права. Я хочу убить тебя, а не Макса. Почему бы мне просто не покончить с тобой сейчас и не отдать ему противоядие самой?

Губы Руби изогнулись в жуткой, острой улыбке. Она взглянула в угол, где сидел Серон. – Слышишь, Серон? Даже твоя собственная мать считает твою жизнь бесполезной разменной монетой.

БАХ.

Первый выстрел разнёс в щепки половицы. Вторым расколол дерево в нескольких сантиметрах от ботинок Серона. Он задрожал, его грудь тяжело вздымалась – осознание того, что он попал под перекрёстный огонь, наконец сломило его.

– Мама! Мама, пожалуйста, хоть раз выбери меня! – Голос Серона сорвался, по его лицу текли слёзы, когда он смотрел на женщину, которая променяла любовь на смертный приговор.

53 День спасён

– Ладно. Твоя взяла. Вот твоё противоядие.

Голос Вайолет был подобен льду. Она протянула маленький флакон, её взгляд отслеживал каждое движение Руби. Руби не моргнула; она стояла на своём, одна рука уверенно лежала на оружии, другая зависла над таймером детонатора.

– Брось его. Аккуратно, – приказала Руби, её большой палец скользнул по красной кнопке. – Иди к своему сыну. Одно неверное движение, одна «героическая» ошибка, и я нажму. Поверь, Вайолет, ничто не сделает меня счастливее, чем смотреть, как этот пол превратится в кратер вместе с вами обоими.

Когда Вайолет опустилась на колени, чтобы поставить флакон на пыльный пол, тяжёлые дубовые двери часовни со стоном отворились. Внутрь ворвалась Нэнси, её грудь тяжело вздымалась, а глаза были расширены от ужаса.

– Что ты здесь делаешь? – рявкнула Руби, на мгновение потеряв концентрацию.

– Я слышала выстрелы... я не могла просто бросить тебя! – выдохнула Нэнси. Прежде чем Руби успела её остановить, Нэнси рванулась вперёд, схватив флакон с пола, чтобы Руби не пришлось ослаблять бдительность.

Лицо Вайолет исказилось в маске чистой злобы. – Вы обе... Вы пожалеете об этом дне.

– Руби, пожалуйста! – взвизгнул из угла Серон, его голос был сорван. – У тебя есть то, что ты хотела! Останови таймер! Я не хочу умирать!

Руби посмотрела на обратный отсчёт на устройстве. – Я остановлю его. Но не сейчас. У вас десять минут. Если кто-то из вас двинется хоть на сантиметр до того, как часы покажут ноль, будете соскребать свои останки с балок. Мне нужно обеспечить себе отход.

Вайолет встала перед сыном, её голос понизился до смертельного шёпота. – Я думала, ты умна, Руби. Это был твой единственный шанс убить меня. Если ты выйдешь за эту дверь, а я останусь жива, я превращу твою жизнь в сущий ад. Это не угроза, а пророчество.

– Я знаю правила, Вайолет, – возразила Руби, пятясь к двери вместе с Нэнси. – Если ты умрёшь здесь, твои люди будут преследовать меня до скончания веков. Но пока ты дышишь и оглядываешься через плечо, преимущество на моей стороне. Запомни мои слова: я отомщу за свою мать. Просто не сегодня.

Они выскочили из часовни. Машина Нэнси стояла прямо у входа с работающим двигателем, её фары прорезали туман. В тот момент, когда двери захлопнулись и Нэнси вдавила педаль газа в пол, Руби выдохнула, словно не дышала все двадцать лет. Её руки дрожали, но она крепко сжимала противоядие.

До поместья Байрон оставались считанные мили. Война не была окончена, но впервые именно Руби сидела за рулём машины, увозящей их от погони.

В часовне напряжённая атмосфера развеялась в тот миг, когда главный наёмник Вайолет проверил устройство. Он поднял глаза, его лицо было бледным.

– Это... это муляж, мэм. Здесь нет Си-4. Просто провода и кухонный таймер.

Крик Вайолет эхом отразился от сводчатых потолков. – Что?! Как эта соплячка могла меня одурачить?! – Она с силой ударила кулаком по деревянной скамье. – Найти их! Я хочу, чтобы их притащили сюда живыми, и я сдеру кожу с их лиц! Вперёд! НЕМЕДЛЕННО!

Пока её люди суетились, Вайолет обратила свой ядовитый взор на Серона. Его трясло, его охватила смесь ужаса и глубокого облегчения. Руби не собиралась его убивать. Всё это было блефом.

– Иди домой, – выплюнула Вайолет, глядя на сына с чистым отвращением. – Ты выглядишь как жалкое ничтожество. – Она вылетела из часовни, лихорадочно соображая. Она не могла преследовать их сама; мир по-прежнему считал её призраком, мёртвой женщиной, похо-

роненной много лет назад. Ей приходилось оставаться в тени и позволить своим ищейкам вести охоту.

Тем временем шины машины Нэнси завизжали на крутом повороте. В зеркале заднего вида появился чёрный внедорожник и с ужасающей скоростью сокращал дистанцию.

– Они нас нагоняют! – крикнула Нэнси, её костяшки пальцев побелели на руле. – Руби, они собираются нас протаранить!

– Жми на газ! Не смей убирать ногу с педали! – приказала Руби. Она выхватила телефон и набрала номер Сэмюэла. – Сэмюэл! У нас противоядие, но люди Вайолет у нас на хвосте. Мы в двух милях от поместья. Нам нужно окно!

Внутри поместья Байрон царил мрачная атмосфера. Макс лежал, мечась в поту, его кожа приобрела болезненно-серый оттенок, пока яд разъедал его жизненные силы. Но в тот момент, когда голос Руби раздался из динамика на телефоне Сэмюэла, глаза Макса резко открылись.

Сквозь туман смертельного жара он расслышал одно: Руби в опасности.

– Макс, лежи! – настаивал Сэмюэл, бросаясь к нему. – Я вышлю команду охраны. Ты даже стоять не можешь.

– Чёрта с два, – просипел Макс, его голос был лишь хриплым скрежетом. Он отшвырнул одеяла, его мышцы кричали от напряжения. Он схватил куртку и пистолет с тумбочки, качаясь на ногах, пока комната плыла перед глазами. – Она вошла ради меня в львиное логово. Я не буду сидеть здесь, пока они пытаются столкнуть её с дороги.

–

Гравий разлетелся, как шрапнель, когда Руби высунулась из пассажирского окна, и ветер яростно трепал её волосы. Она игнорировала рёв мотора и крики Нэнси. Задержав дыхание, она прицелилась в переднюю шину головного внедорожника.

ХЛОП.

Шина мгновенно лопнула, и внедорожник, вильнув, съехал в кювет, но из-за обломков вырвалась вторая чёрная машина. – Они не останавливаются! – крикнула Нэнси.

– Продолжай ехать! – крикнула Руби. – Смотри!

Массивные кованые ворота поместья Байрон распахнулись. Вереница внедорожников охраны во главе с тактической группой Сэмюэла хлынула вперёд, словно стальная стена. Преследователи ударили по тормозам, поняв, что на территории Байронов у них нет шансов ни по численности, ни по вооружению. Они резко развернулись и исчезли в облаке пыли.

Когда машина Нэнси с визгом затормозила во внутреннем дворе, Руби выпрыгнула из неё, не дожидаясь полной остановки.

– О чём ты только думала? – Сэмюэл подлетел к ней, на его лице смешались ярость и облегчение. – Ты пошла к ней одна! Это была самоубийственная миссия...

Но Руби не слушала. Её взгляд был прикован к парадным дверям.

Там был Макс. Он тяжело опирался о каменную арку, его лицо было мертвенно-бледным и лоснилось от пота. Он сделал один шаткий шаг к ней, затем другой, и его ноги подкосились. Руби рванулась вперёд, поймав его в тот самый миг, когда он рухнул, и его тяжёлое тело увлекло её за собой на колени.

– Алекс! – крикнула Руби одному из охранников. – Отведи Нэнси внутрь. Дай ей выпить, найди комнату, всё, что ей нужно. Живо!

Она нащупала флакон, который Нэнси выхватила в часовне. – Макс, посмотри на меня. Выпей это. Пожалуйста.

Рука Макса сжала её плечо, его прикосновение обжигало жаром. – Я же говорил тебе... не покидать поместье без охраны, – прохрипел он, его голос был едва слышным шёпотом. – Я говорил тебе быть в безопасности.

– Будешь читать мне лекции, когда продержишься в сознании дольше пяти минут, – прошептала Руби, и слеза скатилась по её щеке, когда она поднесла флакон к его губам. – Тогда я приму любое наказание. Только вернись ко мне.

Часы спустя удушающее напряжение в поместье наконец начало спадать. Главный врач вышел из хозяйской спальни, снимая перчатки.

– Сработало, – объявил он, проверяя часы. – Токсины нейтрализуются. Жар спадает. Он вне опасности, но его тело прошло через ад. Ему нужен абсолютный покой.

Руби сидела в коридоре, прислонившись спиной к стене, адреналин наконец покидал её тело. У неё было противоядие, и у неё был Макс. Но она знала, что Вайолет не из тех, кто простит унижение с «фальшивой бомбой».

Руби стояла в большом холле, тяжесть этой ночи наконец навалилась на неё. Когда подошла Нэнси, Руби без колебаний крепко, до хруста в костях, обняла подругу.

– Спасибо, – прошептала Руби. – Без тебя я бы не справилась.

– Мне нужно уходить, – сказала Нэнси, отстраняясь, и её маска храбрости слегка пошатнулась.

– Не возвращайся сегодня в свою квартиру, – предупредила Руби, её голос снова стал властным, как у защитницы. – Алекс, мой главный охранник, отвезёт тебя за вещами. Ты переезжаешь в безопасное место.

Нэнси устало, но с лёгкой ухмылкой ответила: – Не волнуйся, Руби. Я не такая уж неженка. Ты же знаешь, я боец.

– Сегодня я это увидела, – улыбнулась Руби, обнимая её в последний раз, прежде чем проводить взглядом, как Алекс уводит её.

Когда Руби вошла в хозяйскую спальню, воздух был прохладнее, суматошная энергия сменилась мерным спокойствием выздоровления. Макс полусидел, оперевшись на подушки, его глаза были открыты и сосредоточены, хотя тёмные круги под ними рассказывали историю его борьбы.

– Руби, – прохрипел он, его голос был сильнее, чем прежде. – Позови Сэмюэла. Мы уезжаем. Сейчас же.

– Макс, тебе нужно отдохнуть...

– Этот особняк – мишень, – прервал он её, его взгляд был острым. – Вайолет знает его план. Она знает все слепые зоны. Мы переезжаем на Виллу. Она автономна и укреплена. Я не позволю тебе спать прямо под прицелом.

Руби кивнула, видя решимость в его глазах. Она сделала звонок, и в течение часа тихий, скоординированный конвой уже двигался сквозь тени.

Новое место было потрясающей, уединённой виллой, спрятанной от любопытных глаз города. Ей не хватало многовековой истории поместья Байрон, но она ощущалась как крепость. Каменные стены, армированное стекло и такой периметр безопасности, что даже призрак дважды подумал бы, прежде чем войти.

После хаоса с распаковкой вещей и обустройством нового командного центра Руби провела Макса в их новую спальню. В комнате было тихо, она была залита мягким светом луны, падавшей на внутренний двор. Она помогла ему сесть на край кровати, её руки задержались на его плечах.

– Здесь мы в безопасности, – пробормотала она, глядя ему в глаза. – Пока что.

54 Король тигров

После суматохи с распаковкой вещей и обустройством нового командного центра Руби провела Макс в их новую спальню. Комната была тихой, залитой мягким светом луны, падавшим на внутренний дворик. Она помогла ему сесть на край кровати, задержав руки на его плечах.

– Мы здесь в безопасности, – прошептала она, поднимая на него глаза. – Пока что.

Макс сжал её в объятиях. – Осторожнее, птичка, – тихо сказал он. – Ты ещё не наказана за то, что так сбежала. А если бы с тобой что-то случилось? – Его рука крепко прижимала её к себе, словно он и не думал её отпускать.

– Я должна была что-то сделать, – мягко ответила Руби. – И Нэнси мне помогла. Посмотри с хорошей стороны, я даже завела подругу. – Она поцеловала его в щёку, пытаясь выскользнуть из его объятий, но Макс лишь притянул её ближе.

– Я серьёзно, Руби, – сказал он, и в его голосе прозвучало беспокойство. – Больше не подвергай себя такой опасности. И да, я награжу Нэнси, твою чудесную новую подругу, – добавил он с дразнящей ноткой. Он уткнулся в неё лицом, вдыхая её запах, и его хватка усилилась, словно одно лишь её присутствие придавало ему сил.

– Ладно-ладно, я тебя услышала, – сказала Руби, тихо рассмеявшись. Она упёрлась ладонями ему в грудь и слегка оттолкнула его. – Но сейчас тебе нужно меня отпустить. Пора принять лекарство, а ты всё ещё слаб. Ты болен.

– Слаб? – эхом повторил Макс, и на его губах заиграла медленная улыбка. – Осторожнее со словами. – Он опустил голову, его прикосновение затянулось, а всё внимание было сосредоточено исключительно на ней, словно в мире больше ничего не существовало.

У Руби перехватило дыхание – но не от страха, а оттого, что его близость заставила её забыть всё, что она только что сказала.

– Прекрати, Макс, – задыхаясь, проговорила Руби. – Доктор сказал – полный покой. Тебе нужны силы. Я всё ещё хочу крови, – добавила она полушутя, полусерьёзно.

– Да ладно тебе, я в порядке, – пробормотал Макс, отказываясь её отпускать.

Руби улыбнулась про себя, думая, что сможет его отвлечь. Она протянула руку и легонько пощекотала его, ожидая, что он дёрнется и ослабит хватку. Ничего. Она попробовала ещё раз. Снова ничего.

Она замерла. – Постой... ты что, не почувствовал?

– Что почувствовать? – спросил Макс, наконец опустив на неё взгляд. Его руки по-прежнему крепко лежали на её талии.

– Я тебя щекотала, – тихо сказала Руби, потрясённая. От одного такого прикосновения она сама обычно тут же сдавалась.

– А-а, – медленно протянул Макс с опасным огоньком в глазах. – Ты имеешь в виду вот это?

Его пальцы пришли в движение – быстрые и безжалостные. Руби неудержимо расхохоталась, и её смех заполнил комнату, пока она пыталась вывернуться. Макс лишь рассмеялся в ответ, без усилий поднял её и отнёс на кровать, нависая над ней и продолжая щекотать.

– Макс... прекрати... Макс, хватит! – выдавила она сквозь смех. – Пожалуйста... пожалуйста!

Она вцепилась в его плечи, и её смех сменился прерывистым дыханием.

Наконец он замер, нависая прямо над ней. – Хорошо, – тихо сказал он. – Я перестану. – Его голос стал ниже, грубым и откровенным. – Но только если пообещаешь, что трахнешь меня.

Руби посмотрела на него, запустила пальцы ему в волосы и осторожно притянула к себе, чтобы их лбы соприкоснулись. Её сердце гулко, быстро и неровно стучало в ушах, вторя его сердцебиению. Долгое мгновение никто из них не двигался. Напряжение не спало. Оно лишь усилилось.

– Да... обещаю, – прошептала Руби.

И она поцеловала его... нежно, медленно, затягивая поцелуй. Ровно настолько, чтобы его обезоружить. Макс вздохнул ей в губы, его сопротивление угасло, и она, сменив их положение, осторожно перекатилась, укладывая его на спину.

– Но это не обязательно должно случиться сегодня ночью, – добавила она с дразнящей улыбкой.

Макс тихо простонал. – Ну вот... нет. Ладно, – сказал он, притворно надув губы. – Полагаю, тогда мне остаётся только обнимать тебя.

Он притянул её ближе, прижимая к себе, словно одного этого было достаточно.

– Спокойной ночи, детка, – пробормотал Макс, нежно целуя её в макушку.

Руби улыбнулась, и её тело наконец расслабилось. В его объятиях она наконец-то позволила себе отдохнуть... после долгого дня и ещё более долгой, адской ночи.

—

Серон не поехал домой. После пережитого потрясения меньше всего ему хотелось встречаться с Акацией. Ему отчаянно нужно было выпить.

На мгновение он почувствовал себя глупо из-за того, что рыдал, как ребёнок, из-за бомбы, которая даже не была настоящей. Но он не мог винить себя. Всё ощущалось по-настоящему. Страх, паника, уверенность в том, что он вот-вот умрёт – всё это не исчезло лишь потому, что опасность оказалась фальшивой. Руби не собиралась его убивать, но его тело этого не знало.

Он поехал напрямик в ночной клуб.

День только начинался, и заведение едва проснулось. Однако в тот момент, когда люди заметили Серона – растрёпанного, напряжённого, явно не в себе, – к нему отнеслись с мгновенным уважением. Головы поворачивались. Голоса стихали. Внезапно он перестал быть человеком, только что избежавшим смерти. Он снова стал важным. Влиятельным. Неприкасаемым.

Его плечи расправились. Он вскинул подбородок и сунул руки в карманы, облачившись в уверенность, словно в доспехи. Любой наблюдатель подумал бы, что он всё держит под контролем. Только он знал правду: внутри он всё ещё был напуганным котёнком, притворяющимся львом.

В кармане завибрировал телефон.

Акация.

Он взглянул на экран, хмыкнул, а затем полностью выключил телефон.

– Мы ещё не открыты, господин, – сказал мужчина, подходя к нему после того, как закончил телефонный разговор. – Но что вам угодно?

– Я хочу расслабиться, – спокойно ответил Серон. – Принесите мне бутылку виски.

Он огляделся, отмечая элегантные светильники, отполированную барную стойку, тихую роскошь. Он удивился, что никогда не был здесь раньше.

– Милое местечко, – добавил он. – Знал бы раньше, стал бы постоянным клиентом.

– Прекрасно. Пройдёмте со мной, господин, – мягко сказал мужчина. – Наверху есть отдельная комната. Можете принять душ, а бутылку виски вам сейчас принесут.

– Хорошо, – ответил Серон, сохраняя ровный голос.

Внутри, однако, он упивался таким отношением. Тихим уважением. Тем, как перед ним открывались двери. Это снова заставило его почувствовать себя королём.

Он вошёл в частную комнату и направился напрямик в ванную. Струи душа лились на него, горячие и безжалостные. Он стоял под ними, медленно, рассеянно проводя рукой по волосам, лицу, телу, словно прикасаясь к кому-то другому.

Но все его мысли были только о Руби.

Часовня. Верёвки. Тканье фальшивой бомбы, пока страх вышибал воздух из лёгких. От одного этого воспоминания у него сдавило грудь. Ему нужен был этот напиток. Отчаянно.

Когда вода наконец перестала литься, он обернул вокруг себя халат и вышел обратно в комнату.

Он замер.

Там стояла женщина в коротком, откровенном кружевном наряде, который почти ничего не скрывал. На секунду Серон забыл, как дышать.

Он с трудом сглотнул.

Он был на мели. Он это знал. Такая женщина в таком месте была ему сейчас совершенно не по карману.

И всё же он расправил плечи и скрыл свой шок. Что бы ни случилось дальше, он не собирался подавать виду.

Контроль... настоящий или мнимый... – это всё, что у него осталось.

– Ваш напиток, господин, – прошептала блондинка, и её голос, словно мягкий бархат, коснулся тишины комнаты.

– Можете оставить его там, – ответил Серон напряжённым голосом. Он уставился в пустоту, борясь с магнетическим притяжением её присутствия.

– Да, господин, – пробормотала она. Серон погрузился в глубину дивана, и шёлк его халата... с вышитым на спине золотым тигром... казался насмешкой. Хищник был на его спине, но внутри он чувствовал себя лишь добычей.

Девушка поставила бутылку виски с лёгким стуком. Каждое её движение было отточенным ритуалом грации, её силуэт в тусклом свете двигался, словно соблазнительная богиня, пока она наливала янтарную жидкость в стакан.

Она подплыла к нему, протягивая стакан. – Вы выглядите напряжённым, господин. Позвольте мне помочь вам расслабиться, – сказала она, и её голос понизился на октаву, когда она опустила на колени между его ног.

– У... у меня нет денег, чтобы заплатить тебе, – признался Серон, и слова на вкус были как пепел. Он отвёл взгляд, его челюсти сжались от жгучего, тяжёлого стыда.

– Вы наш особый гость, – мягко возразила она, не сводя с него глаз. – Меня послали лишь для того, чтобы доставить вам удовольствие. – Не дожидаясь разрешения, она приступила к делу.

Сeron вцепился в стакан с виски, словно в спасательный круг, и смотрел вниз, как её светлая голова начала ритмично двигаться между его ног. Она ублажала его с первобытной преданностью, её лицо скрылось у него в паху. Её пальцы с плавной, отработанной страстью скользили по нему; губы обхватили головку с точностью женщины, которая в совершенстве знала, как сломить мужчину. Это была идеальная интенсивность... именно та, которой жаждал Серон.

Она посмотрела на него из-под ресниц, её глаза были тёмными и хищными.

– Ты так хороша... боже, я сегодня чуть не умер, – простонал Серон, отчаянно запуская пальцы в её волосы и притягивая её ближе, чтобы глубже войти в её тёплый рот. – Это хорошо... Руби, ты стала горячее, смелее. Ты бы рискнула всем ради меня... как сделала это для Макса?

Ритм сбился. Воздух в комнате похолодел.

– Кто такая Руби? – спросила девушка, и в её голосе прозвучало резкое недоумение.

Глаза Серона резко открылись, тёмные и требовательные. – Не разговаривай. Просто раздвинь для меня свою киску. Мне нужно её попробовать, – приказал он, и его голос стал грубым от внезапной, острой потребности.

– Мою... какой вы извращенец, господин, – выдохнула она, и игра снова возобновилась, словно надетая маска.

Она перегнулась через край дивана, выгибая спину и предлагая себя ему. Серон ринулся вперёд, до синяков сжимая её бёдра, и вошёл своим членом в её мокрое, горячее нутро.

– Ах! – возбуждённый, сдавленный стон сорвался с её губ, когда он вошёл до упора. Её лицо искажилось, черты растворились в чистом, неподдельном экстазе.

– Аах... так хорошо, – простонала она дрожащим голосом.

– Когда я тебя трахаю, ты произносишь моё имя и ничего больше, – прорычал Серон ей в кожу.

– Но... я не знаю вашего имени, господин, – прошептала она, её голова кружилась от удовольствия.

– Серон, – ответил он, и это слово прозвучало как тяжёлая клятва.

Пока его бёдра двигались в неумолимом ритме, она начала повторять его имя – словно литанию, которая разжигала его огонь, делая его твёрже, отчаяннее, живее.

– Да, Серон... да, Серон! Так хорошо... да-а-а, да!

Серон забылся в ней до глубокой ночи. Когда он наконец отстранился, она распласталась на подушках, тяжело дыша, её кожа лоснилась от пота. Тело подрагивало в неге после оргазма, а выражение лица было совершенно пустым от пережитой страсти.

Серон лёг рядом с ней в тишине, глядя в потолок. На мгновение внешний мир перестал существовать. Это был рай.

55 Доброе утро, дорогой

Серон лежал, и тишина комнаты давила на него, теперь, когда эхо её стонов угасло.

Он наблюдал, как ровно вздымаются и опускаются плечи девушки, чьё тело всё ещё было влажным и изнурённым. Она была незнакомкой, но он использовал её имя как щит от сокрушающей реальности прожитого дня.

Тигр на его халате ощущался тяжёлым саваном.

«Мне нечем ей заплатить», – крутилась у него в голове мысль, резкое напоминание о том, как низко он пал. Слышать обращение «Хозяин», когда в карманах пусто, казалось жестокой шуткой. Сегодня он чуть не умер, лишённый достоинства и положения, а теперь искал убежища в пустой фантазии, оплаченной чьей-то благотворительностью.

Он снова посмотрел на девушку. Она не была Руби. Руби была воспоминанием, женщиной, пожертвовавшей всем ради мужчины, которым был не он. Это осознание жалило сильнее, чем физические раны, которые он носил. Когда он приказал девушке раскинуться перед ним, это была не просто похоть, а отчаянная попытка вернуть себе крупицу власти в мире, который последние сутки на него плевал.

Он протянул руку, и его пальцы замерли в нескольких дюймах от её влажных от пота волос, но он отдернул её. Он не заслуживал утешения настоящей связи. Он заслуживал лишь этого – этого продажного, безымянного рая, который исчезнет, как только взойдёт солнце.

Он закрыл глаза, пытаясь удержать остаточное тепло секса в надежде, что оно заглушит голос в голове, шептавший, что он не более чем призрак в шёлковом халате.

После духоты комнаты душ ощущался как экзорцизм. Серон стоял под струями воды, счищая с кожи запах незнакомой блондинки и мускус дивана. Ему нужно было очиститься. Если он хотел вернуть утраченную жизнь, если хотел снова стать достойным Руби, ему нужно было взять себя в руки.

Когда Серон вышел из отдельной комнаты, воздух обрушился на него, словно физический груз – плотный, влажный и тяжёлый от первобытного запаха пота, дорогого мускуса и утолённого желания. Клуб перестал быть местом роскоши, погрузившись в лихорадочное, ритмичное безумие.

Главный зал был морем сплетённых тел. Под пульсирующим, тусклым мерцанием люстр обнажённые тела переливались, как шёлк. Каждая поверхность – бархатные кушетки, мраморные столики и даже мягкое ковровое покрытие – была занята.

Серон смотрел, чувствуя, как пульс стучит в горле, как женщина неподалёку выгнулась в безмолвном крике экстаза, зажата между тремя мужчинами, которые двигались в ней с синхронным, неумолимым голодом.

Он пытался смотреть прямо перед собой, но клуб был создан, чтобы ловить чувства в ловушку.

– Мы можем обслужить вам, Хозяин... что вам нужно?

Из тени появилась девушка, её кожа была совершенно обнажённой и сияла, как жемчужина. Она прижалась своей мягкой, тёплой грудью к его руке, а её ладони скользнули по его халату в поисках пояса. Её дыхание горячим дуновением коснулось его шеи, пахнущее сладким ликёром.

– Простите. Мне нужно уйти, – сказал Серон хриплым голосом, борясь с внезапным приливом жара в крови.

– Пожалуйста, не уходите, Хозяин, – прошептала другая девушка, опустившись на колени прямо у него на пути. Она посмотрела на него снизу вверх широкими, умоляющими глазами, её пальцы коснулись его бёдер, когда он попытался пройти мимо. Вокруг них влажные, рит-

мичные звуки трения и приглушённые стоны создавали сердцебиение комнаты – неумолимую, движущую силу, что искушала его снова погрузиться в этот хаос.

Казалось, каждая женщина, мимо которой он проходил, тянулась к нему, и их нагота была приглашением забыть свой стыд, забыть Руби и утонуть в безмянном жаре. Трение тел было повсюду; ему пришлось физически проталкиваться сквозь толпу сплетённых любовников, чтобы добраться до выхода. Вид такого количества неприкрытой, раскрепощённой кожи был сенсорной перегрузкой: качающиеся бёдра и выгнутые спины.

Он чувствовал притяжение бездны, желание обернуться и позволить этим женщинам трахать его, пока он не забудет собственное имя. Но образ лица Руби, словно холодное лезвие, вонзился ему в разум, пререзая похоть.

Он прорвался сквозь последние тяжёлые двери, и щелчок замка за спиной заставил умолкнуть симфонию стонов. Внезапная прохлада утреннего воздуха стала шоком для его организма, обжигая лёгкие и очищая мозг от тумана запахов и секса.

Он стоял на тротуаре, его халат был влажным от общего жара клуба, и гадал, может ли такое место быть законным, или он только что прошёл через врата прекрасного, ужасающего ада.

Когда он вернулся домой, тишину дома нарушила резкая, рваная энергия Акации. Она стояла в центре комнаты, её глаза покраснели и горели от бессонной ярости.

Прежде чем он успел заговорить, она набросилась на него. Она схватила его за ладканы, поднесла одежду к своему лицу и глубоко вдохнула. Её лицо исказилось, когда она уловила остаточный запах дорогого виски, тяжёлых духов и безошибочный аромат другой женщины.

– Почему, Серон? Почему? – закричала Акация, её голос сорвался на рыдание, эхом отразившееся от стен. Она слабо ударила его в грудь, и её сердце разлеталось на куски в эту самую секунду.

Серон не дрогнул. Он не оправдывался. Он смотрел на неё с пугающе спокойной ясностью – взглядом человека, который увидел дно бездны и решил выбраться. Он протянул руки и притянул её дрожащее тело в крепкое, успокаивающее объятие.

– С этого момента всё будет хорошо, – прошептал он ей в волосы. Его голос был ровным, подкреплённый новой, тёмной решимостью.

–

– Алло, босс. Он только что ушёл, – сказал мужчина из клуба по телефону. – Мы оказали ему приём, который вы приказали.

Вайолет спокойно наблюдала за прямой трансляцией из своего убежища. Изображение Серона всё ещё светило на экране.

– Только не говори мне, что ты готовишь его, чтобы он возглавил клуб, – сказал Эйс, скрестив руки на груди и глядя на неё.

– У него хорошая репутация, – холодно ответила Вайолет. – И он наш сын. Сначала посмотрим, что он думает об этом месте. Я уверена, он вернётся.

Она откинулась на спинку кресла, не отрывая глаз от монитора.

– Этот твой сын, – пробормотал Эйс. – Ты правда думаешь, у него хватит духа справиться с делами там?

Вайолет слабо улыбнулась. «Расслабься. Он и твой сын тоже. В нём твоя натура. С ним всё будет в порядке». Затем выражение её лица посуровело.

– А теперь, – сказала она, резко сменив тему, – пусть кто-нибудь скажет мне, что вы нашли Руби или ту глупую девчонку, которая была с ней.

В комнате воцарилась тишина, напряжение было густым и выжидающим. «Им удалось уйти», – тихо сказал один из её людей.

– Что? – рывкнула Вайолет. – Чёрт возьми! Будьте вы все прокляты! – закричала она, указывая прямо на него. – Вы все бесполезны!

Эйс стоял рядом, спокойно куря сигарету и молча наблюдая за её яростью.

– Я поеду в клуб, – сказал он наконец, развернулся и вышел, оставив Вайолет разбираться со своими людьми.

Вайолет подошла ближе, её взгляд был холодным и смертоносным. «Я дам вам ещё один шанс. Приведите ко мне Руби и ту девчонку. Провалитесь снова – и можете попрощаться со своей дурацкой головой на плечах».

– Да, босс, – быстро ответил мужчина. – Но Макс и Руби переехали в новое безопасное место. Мы не знаем, куда. Девчонка тоже переехала. Но не волнуйтесь, мы их найдём.

– Лучше бы вам, – резко сказала Вайолет. – А теперь сгиньте с глаз моих.

Мужчины поспешно удалились, и за ними закрылась дверь. Наступила тишина.

Вайолет медленно обернулась, в её глазах пылала ярость. «Ох, Макс... Макс, – пробормотала она. – Посмотрим, будет ли Руби по-прежнему любить тебя, когда узнает, что ты просто используешь её, а на самом деле влюблён в другую».

Её гнев выплеснулся наружу.

Она закричала и разбила стоявшую рядом вазу, осколки посыпались на пол – ещё один признак того, как много контроля она уже потеряла. А Вайолет ненавидела проигрывать.

–

Атмосфера в комнате была тяжёлой, густой от утренней духоты и остаточной сладости сна. Это была мягкая золотистая дымка, влажный сон, который казался слишком идеальным, чтобы быть правдой.

Руби инстинктивно двинулась, её кожа чутко реагировала на каждое микродвижение, пока она впитывала нарастающее удовольствие. Резкий, срывающийся стон сорвался с её губ, когда её глаза распахнулись, а дыхание перехватило от осознания, что это не было плодом её воображения.

Макс был здесь, расположившись между её бёдер. Его язык был талантливым инструментом, творящим ритмичную, влажную магию, от которой нервы Руби пылали.

– А-ах... ах... – Голова Руби откинулась на подушки, её пальцы впились в простыни.

Макс на мгновение приподнял одеяло, и его взгляд встретился с её, полный тёмной, игривой напряжённости.

– Доброе утро, дорогая, – пробормотал он, и его низкий голос, казалось, вибрировал сквозь неё. Прежде чем она успела прошептать ответ, он снова исчез под одеялом, удвоив свои усилия.

56 Утреннее угощение

Мир Руби сузился до ощущения его жара. Её стоны становились всё громче, руки скользили под одеяло и зарылись в его волосы, пальцами притягивая его ближе.

Макс справлялся превосходно; он был неумолим, полностью сосредоточен, ведя её к пику, от которого у неё подгибались пальцы на ногах.

Тук. Тук. Тук.

Резкий звук вторгся в святилище спальни.

– Я вхожу, мэ, – раздался голос из коридора.

Руби была уже слишком далека от реальности, потерявшись в волнах ощущений, которые вызывал в ней Макс. Она едва уловила, как со скрипом отворилась тяжёлая дубовая дверь.

– Простите, мэ...

Пожилая горничная вошла в комнату и замерла на месте. Руби вся пылала, её грудь тяжело вздымалась, а ритмичные движения под одеялом недвусмысленно давали понять, что Макс всё ещё был за работой.

– Ах... Всё в порядке... что вы сказали? – задыхаясь, пролепетала Руби дрожащим голосом. Она попыталась сосредоточиться, но Макс не позволил ей этого сделать; он провёл языком по её самому чувствительному нервному окончанию – это был намеренный акт саботажа. Руби прикусила губу, пытаясь сдержать крик удовольствия, пока горничная стояла прямо здесь.

– С вами всё в порядке, мэ? Я пришла спросить, что бы вы и мистер Байрон хотели на завтрак, – спросила горничная, и её голос дрогнул от осознания.

– М-м-м... м-м-м... – Глаза Руби закатились. Она хватала ртом воздух, пытаясь обрести голос, который бы её не выдал.

– Мэм? – надела горничная с широко раскрытыми глазами.

– Вон, Сандра! – прогремел голос Макса из-под шёлкового одеяла. Он не приподнял покрывала, но пошевелился ровно настолько, чтобы горничная увидела силуэт его плеч между ногами Руби.

– О боже мой! Мне так жаль! – пискнула горничная, резко развернувшись на каблуках и исчезнув за дверью в порыве смущения.

– Мак-с-с... – выдохнула Руби, игриво шлёпнув его по спине через ткань. Ей было ужасно стыдно, лицо горело, но адреналин от неожиданного вторжения лишь заставил её сердце биться быстрее.

– Что? Я просто пожелал ей доброго утра, – поддразнил Макс, и в его голосе прозвучали игривые, рокошующие нотки.

Он сместился, проскальзывая вверх по её телу, пока не навис над ней, опёршись на локти. Его тёмные, сосредоточенные глаза впились в её взгляд с таким жаром, что комната, казалось, уменьшилась. – Вообще-то, я мог бы приучить тебя просыпаться так каждый божий день, – прошептал он.

– О, да? – выдохнула Руби, чьё сердце всё ещё колотилось о рёбра.

– Я ни капли не против, – парировал Макс, проводя большим пальцем по линии её челюсти. – Потому что я планирую баловать тебя, моя принцесса. Каждую секунду каждого дня.

Руби посмотрела на него снизу вверх, выражение её лица смягчилось, и она инстинктивно облизнула губы. Этот простой жест словно пропустил через Макса разряд тока.

– О боже, – простонал он, прижимаясь лбом к её лбу. – Ты делаешь это невыносимо соблазнительным. Я хочу тебя... Мне нужно войти в тебя прямо сейчас. – Его голос был тяжёлым от мольбы, а тело напряглось от дикого, отчаянного голода.

Руби почувствовала это притяжение, магнетическое желание просто остаться в простынях и позволить внешнему миру исчезнуть, но ей удалось издать тихий, приземляющий смешок. Она положила руки ему на грудь, ощущая неистовое биение его сердца.

– Ну же, здоровяк, – мягко поддразнила она. – Тебе нужно восстановить силы, и у нас обоих есть работа. Так что, подъём.

– Ну-у-у, – запротестовал Макс, как раненый щенок, и, наклонившись, оставил на обеих её щеках долгие, утрированные поцелуи.

– Ещё совсем чуть-чуть? – торговался он, и в его глазах плясали озорные искорки.

– Нет. Тебе нужно принять лекарства, – настояла она твёрдым, но любящим тоном.

Макс издал драматичный вздох поражения и скатился с неё. – Ладно, хорошо. Раз уж я должен быть ответственным взрослым. – Он сел и потянулся, разминая мышцы. – Тогда я приготовлю завтрак, – заявил он, и его соревновательный дух переключился на кухню.

Он спустил ноги с кровати и встал – на нём были только спортивные штаны, а его обнажённый торс ловил утренний свет. Руби последовала его примеру, разгладив свою ночную рубашку, шорты и футболку. Они вместе пошли на кухню, и домашняя простота этого момента стала резким, сладким контрастом тому пылу, который они разделяли всего несколько мгновений назад.

– Оставьте нас, Сандра, – мягко сказал Макс, когда они вошли в кухню.

Пожилая горничная замерла, явно смущённая произошедшим ранее. Не говоря ни слова, она развернулась и направилась в коридор, подавая знак младшим горничным тоже уйти. Те быстро подчинились, но не удержались, чтобы перед уходом не бросить последний взгляд на мускулистое тело Макса.

Макс тихо усмехнулся, поднял Руби и осторожно усадил её на столешницу.

– Что не так? – спросил он, убирая её волосы назад.

– Тебе не следует так разгуливать по дому, – игриво сказала Руби. – Ты видел, как горничные пялились на твою грудь?

Макс с усмешкой приподнял бровь. – Погоди-ка... ты что, ревнуешь?

– Нет, не ревную, – быстро ответила Руби, а затем сделала паузу. – Ты мой муж. И твоё тело могу созерцать только я.

Макс рассмеялся, явно довольный. – С этим я полностью согласен.

Он наклонился и поцеловал её – медленно, нежно, задерживаясь ровно настолько, чтобы заставить её улыбнуться.

– Я приготовлю тебе свои фирменные спагетти, – тихо сказал он. – Поверь мне, тебе понравится. Моя мама готовила их для меня, когда я был мальчиком.

Он подошёл к шкафчику, затем к холодильнику, собирая ингредиенты. Руби молча наблюдала за ним. Было что-то в том, как он двигался – спокойно, грациозно, совершенно непринуждённо на кухне, – отчего у неё сжалось сердце.

Впервые за долгое время мир казался простым. И безопасным.

– О, правда? Ты никогда не рассказываешь о своей матери, – тихо сказала Руби.

Макс подошёл ближе, взял сотейник, затем наклонился, чтобы поцеловать её, и только потом повернулся к плите. – Да, – тихо сказал он. – Она умерла, когда я был совсем маленьким. А мой отец... – он замолчал, подбирая слова. – Он не особо... присутствовал в моей жизни. Но я унаследовал от него империю, так что, полагаю, это был единственный известный ему способ быть отцом.

Руби слушала, не перебивая.

– Что ж, – мягко сказала она, – я тоже мало что знаю об отцах. Полагаю, большинство из них – козлы. – Она улыбнулась ему. – Но я знаю, что ты будешь потрясающим отцом.

Макс повернулся к ней, удивлённый и тронутый. Медленная улыбка озарила его лицо.

– Это ты так намекаешь, что хочешь, чтобы у нас была детка? – поддразнил он, шагнув ближе и притянув её в свои объятия. – Потому что, поверь мне, я более чем готов. Мы могли бы начать прямо сейчас.

Руби тихо рассмеялась, положив руки ему на грудь. – Может быть... когда-нибудь.

– Что ж, – сказал Макс с обнадеживающей улыбкой, отпуская её и потянувшись за овощами, – «когда-нибудь» меня вполне устраивает.

Он начал нарезать овощи, и тихий ритм ножа наполнил кухню, а вместе с ним – что-то тёплое, незбылемое и полное надежд.

– М-м-м... вау, пахнет потрясающе, – сказала Руби, сидя на столешнице.

– Подожди, пока не попробуешь, моя королева, – с гордостью ответил Макс.

Он отодвинул стул, осторожно снял Руби со столешницы и усадил её, будто она была величайшей драгоценностью. Затем он поставил перед ней тарелку.

– Попробуй, – сказал он, внимательно наблюдая за ней.

Руби откусила кусочек, и её глаза засияли. – Вау... это действительно очень вкусно.

Макс ухмыльнулся, явно довольный. Вскоре они уже разговаривали и смеялись, и теплота между ними наполнила кухню.

– Итак, – небрежно спросила Руби, – какой твой любимый цвет?

Макс наклонился и осторожно стёр большим пальцем капельку соуса с её губ. – Хм-м, – пробормотал он. – Цвет твоих глаз, когда ты в ярости.

Руби замерла, а затем покраснела. – Ты невыносим, – сказала она, качая головой.

И тут, как всегда в самый подходящий момент, вошёл Сэмюэл.

Руби была уже полностью одета, хотя её одежда была достаточно короткой, чтобы привлекать внимание. – Отвернись, – резко приказал Макс.

– Что? – потрясённо переспросил Сэмюэл. – Я сказал, отвернись, – твёрдым голосом повторил Макс.

Смех Руби – звонкий и мелодичный – наполнил кухню, когда она спрятала лицо в ладонях. Макс издал долгий, драматичный вздох и откинулся на столешницу, мысленно прокручивая в голове испуганное выражение лица горничной.

Он уже жалел, что не запер дверь, но то, что Руби была так счастлива, делало этот хаос приземлённым, настоящим и человеческим посреди бури, бушевавшей в их жизнях.

Сэмюэл отвернулся. Он выглядел измученным, его плечи напряглись под тяжестью заданий, которые Макс на него сваливал.

С тех пор как Макс женился на Руби, Сэмюэл чувствовал себя не столько лучшим другом, сколько отброшенной тенью, чья единственная цель – работать, работать и ещё раз работать.

– Я думал, ты хотел что-то сказать, – подтолкнул его Макс, и его голос в мгновение ока сменился с игриво-супружеского на властный тон расчётливого лидера. Руби сидела рядом, наблюдая за ними поверх края своей чашки с тихой, понимающей улыбкой.

Сэмюэл фыркнул, его раздражение едва скрывалось под тонким слоем профессиональной вежливости. – Ах, да. Не думал, что придётся отчитываться, стоя к вам спиной, но раз уж на то пошло. – Он откашлялся, прислонившись к дверному косяку.

– Алекс высадил Нэнси у новой квартиры. Он заметил несколько человек, слонявшихся без дела у её старого дома, так что ты был прав, что перевёз её. Нам удалось проследить за ними. Есть зацепка, где может скрываться Вайолет.

Взгляд Макса стал острее, утреннее тепло испарилось. – Ты предполагаешь? Или уверен?

– Ну, это очень вероятное предположение, но... – попытался объяснить Сэмюэл.

– Мне нужны факты, Сэмюэл, – прервал его Макс, и в его голосе зазвенела сталь. – Возьми столько людей, сколько нужно. Мне нужно подтверждение. Я хочу покончить с этой игрой раз и навсегда.

57 Эти чёртовы люди

Макс выпрямился, и его властное присутствие наполнило кухню ледяным холодом. – И подготовьте прессу. Как только мы подтвердим её местонахождение, мы объявим всему миру, что она жива. Если мы вытащим её на свет, она больше не сможет прятаться в тени и играть в эти игры. Мы с ней покончим.

Выражение лица Сэмюэла оставалось мрачным, когда он добавил последний недостающий элемент. – Ещё кое-что. Миа и Малвин начали действовать. Они пытаются связаться с твоим двоюродным дедом в надежде, что он выступит от их имени, чтобы надавить на тебя и вернуть те акции.

– Эти чёртовы люди... они не знают, когда остановиться, – прошипел Макс. Его челюсть сжалась так сильно, что на щеке заходил желвак. Утреннее спокойствие было разбито вдребезги, его сменил холодный, знакомый огонь человека, окружённого врагами. Его рука сжалась в кулак на мраморной столешнице.

Прежде чем гнев успел выплеснуться наружу, Руби шагнула вперёд. Она протянула руку и мягко накрыла его ладонь своей. Её пальцы были мягкими и уверенными. Это прикосновение стало якорем.

– Шаг за шагом, – тихо сказала она. Её голос был единственным, что могло пробиться сквозь его ярость. – Мы разберёмся с ними по одному. Но сейчас? Давай сосредоточимся на Вайолет. Помни о главной цели, только о главной цели, хорошо?

Макс посмотрел на её руку, а затем в её глаза. Лёд в его взгляде начал таять, черты его лица смягчились под её влиянием. Он сделал вдох, позволяя напряжению покинуть его плечи.

– Займись этим, – приказал Макс, кивнув Сэмюэлу.

Сэмюэлу не нужно было повторять дважды. Он развернулся на каблуках и ушёл, его мозг уже лихорадочно просчитывал логистику облавы и медийной войны. На кухне снова воцарилась тишина, но воздух теперь был другим, наэлектризованным приближающейся бурей.

—

Врач закончил осмотр и убрал стетоскоп, а Макс наблюдал за ним с нетерпением хищника в клетке. Макс дюжину раз говорил Руби, что с ним всё в порядке, но она стояла на своём, скрестив руки на груди и настаивая на мнении специалиста.

– Пожалуйста, – сказал Макс, с сухой усмешкой указав на Руби, – скажите моей жене, что я совершенно здоров и абсолютно не нуждаюсь в постельном режиме. Скажите ей, что я готов вернуться к работе.

Руби лишь улыбнулась, и в её глазах блеснул тихий, всезнающий огонёк. Она точно знала, какую именно «работу» Макс имел в виду, и не собиралась позволять ему перенапрягаться.

Врач прокашлялся, переводя взгляд с могущественного мужчины на кровати на женщину, которая здесь всем заправляла. – К сожалению, мистер Байрон, вам действительно нужен отдых. Ваши жизненные показатели стабильны, но вашему телу нужно время, чтобы восстановиться после отравления. Так что, пожалуйста, строгий постельный режим в течение следующих двадцати четырёх часов.

Лицо Макса вытянулось. Он окинул врача суровым взглядом. – Моя жена заплатила вам, чтобы вы это сказали? Убирайтесь, – прорычал он, хотя в его голосе было больше досады, чем настоящей злобы.

Врач не стал дожидаться повторного приглашения; он собрал свои вещи и поспешно вышел, оставив их в тяжёлой, пропахшей лекарствами тишине.

Остаток дня тянулся с мучительной медлительностью. Для человека, привыкшего управлять империями и охотиться на врагов, быть запертым меж шёлковых простыней было своего рода пыткой, особенно когда рядом была Руби, но он не мог прикоснуться к ней так, как хотел.

Каждый час казался днём. Солнечный свет полз по половицам, в доме было тихо, если не считать далёкого шёпота прислуги и тиканья часов. Мысли Макса лихорадочно метались между Вайолет, акциями и бурей, которая, как он знал, назревала за стенами их дома.

—

Руби вернулась в компанию, взяв всё в свои руки, поскольку настояла, чтобы Макс оставался дома и ничего не делал, оставив Сэмюэлу заниматься текущими делами.

За последние несколько дней Руби и Нэнси сблизились. Они вместе смеялись, сплетничали и доверяли друг другу свои секреты. Нэнси была единственной, кого допускали к Руби, так как охрана Макса создала вокруг неё невидимую крепость.

— Я слышала, Серон в последнее время серьёзно взялся за свою работу, — сказала одна из коллег, протягивая Нэнси папку. — Он приходит рано, уходит поздно... и никаких скандалов с Акацией. Я даже видела, как они покупали детскую одежду. Все думают, что Акация беременна.

Нэнси передала папку Руби. — Подумала, тебе стоит знать.

Руби едва взглянула на неё. — Пока он не путается у меня под ногами, у меня к нему нет претензий. Если его жена беременна, передайте наши поздравления, — холодно сказала она.

Нэнси замялась. — Я... Простите, мэм. Кажется, я перешла черту. — Руби не ответила, и Нэнси поняла, что тёплая, дружелюбная атмосфера, которая раньше исходила от Руби, изменилась — едва заметно, но безошибочно.

— Прекрати, Нэнси, — твёрдо сказала Руби.

— Что, мэм? — добавила она. — Мы на работе, да, но мы же подруги. И я не хочу, чтобы это менялось. Просто... Серон и Акация — мои больные точки. Нажми не на ту, и я сорвусь. Так что просто... никогда не говори о них, хорошо? — В конце тон Руби немного смягчился, хотя предупреждение было ясным.

Нэнси понимающе кивнула. — Я тебя понимаю, Руби. Прости, я подумала, ты захочешь знать, действительно ли он меняется, или он что-то затевает. Но... я всё понимаю.

Прежде чем Руби успела ответить, в дверь кабинета раздался стук.

Нэнси наклонила голову к Руби и прошептала, а на её губах появилась озорная улыбка: — Лёгко на помине...

Руби закатила глаза, но не смогла скрыть лёгкую усмешку. Не настолько заметную, чтобы Серон увидел, но достаточную, чтобы разделить с подругой их внутреннюю шутку.

— Я хотел бы поговорить с вами, госпожа Максимилиан Байрон. Обещаю, я буду краток, — сказал Серон, сохраняя дистанцию и стараясь не подходить слишком близко.

Взгляд Руби оставался прикованным к документам перед ней. Она не могла заставить себя посмотреть на него. В последний раз она видела его в часовне, и воспоминание было всё ещё свежим, всё ещё ярким.

Одно она знала наверняка: Серон мог казаться сейчас смиренным, без матери, на которую можно было опереться, но такой человек, как он, никогда по-настоящему не меняется. Он что-то замышлял. Это было очевидно.

Она не поднимала глаз, её голос был резким и сдержанным. — Если это по работе, пожалуйста, поговорите с Сэмюэлом или вот с Нэнси.

На лице Серона промелькнуло веселье, раздражение и что-то нечитаемое, но Руби не подняла взгляда. Её поза была напряжённой, настороженной и холодной. Она отказывалась дать ему хотя бы малейшее преимущество.

58 Извинись

– Дело не в работе, – тихо сказал Серон, его голос почти срывался. – Я просто... я хотел извиниться. Прости за всё. Ты пожертвовала ради меня всем. Ты была со мной, несмотря ни на что... за всё, что ты для меня сделала, спасибо. А за всё, что я сделал тебе... мне искренне жаль. Я не ценил тебя тогда...

Руби наконец подняла взгляд и встретила с ним глазами. Мужчина перед ней, высокомерный, неприкасаемый Серон, исчез, уступив место кому-то уязвимому, почти хрупкому.

– Мистер Серон Байрон, это ваше место работы... – начала она ровным, но осторожным голосом.

– Я знаю, Руби, – мягко прервал он, подходя ближе. – Я говорю, что мне жаль за всё. Искренне жаль.

Руки Руби сжались в кулаки. – Думаешь, можно просто прийти сюда, извиниться, и всё вдруг исчезнет? – её голос слегка дрогнул, хотя она крепко сдерживала гнев. Возможно, она больше привыкла к гордому, высокомерному Серону, а не к этому сломленному, уязвимому человеку, стоящему перед ней.

– Нет, – тихо сказал он, медленно отступая на шаг. – Я просто... хотел, чтобы ты знала.

И, не сказав больше ни слова, он вышел из комнаты, оставив Руби смотреть ему вслед – растерянную, взбудораженную и как никогда осознающую то, что она всё ещё чувствовала.

Как только шаги доктора затихли в коридоре, Нэнси повернулась к Руби, нахмутив брови. – Странно всё это, – заметила Нэнси, чувствуя повисшее в комнате напряжение.

– Да, я вижу его насквозь, – ответила Руби, мысленно уже переключаясь. – В общем, подготовь файлы по новому проекту. И официальное разрешение тоже. – Руби продолжала отрывисто отдавать распоряжения с резкой, профессиональной ноткой, пока наконец не выдохнула. – Ладно, иди. С этим покончено.

Нэнси взглянула на часы. – Что ж, сейчас три часа дня, и сегодня пятница, – сказала она, бросив на Руби многозначительный взгляд.

– Ладно... и что? – спросила Руби, на мгновение сбивая с толку сменой тона.

– В пятницу мы работаем до четырёх. Дело в том, могу я закончить это в понедельник? Я разобралась со всеми срочными делами, – объяснила Нэнси с надеждой в глазах. – Просто... я надеялась сегодня уйти пораньше. У меня свидание.

Брови Руби взлетели вверх. – А-а-а, свидание? И кто этот таинственный незнакомец, который так важен, что ты готова закрыть лавочку пораньше?

Нэнси ухмыльнулась, с новообретённой энергией собирая сумку. – Да ладно тебе, я взрослая женщина. И если повезёт, сегодня вечером мне перепадёт немного «чая».

– В смысле, секс, – прямо возразила Руби с сестринской усмешкой. Затем выражение её лица смягчилось, отражая искреннюю заботу. – Что ж, будь осторожна. И поезжай с охранниками, которых для тебя организовал Макс. Вайолет всё ещё на свободе, Нэнси, так что, пожалуйста. Отправляйся за своим «чаем», но береги себя. Я не хочу, чтобы ты забеременела от незнакомца.

Нэнси расхохоталась, и смех эхом разнёсся по коридору. – Да, буду! Обещаю! – крикнула она в ответ, собирая остатки своих вещей.

Она буквально выпорхнула из комнаты, её сердце колотилось в предвкушении. Она уже несколько недель переписывалась с этим парнем в сети, и между ними возникла бешеная химия. Для неё он был как глоток свежего воздуха, чистый разрыв с тенями опасного мира Макса и Руби. Она и не подозревала, что «онлайн» и «реальность» могут оказаться двумя совершенно разными вещами.

–

– Привет, красавица. Когда ты вернёшься домой? – голос Макса зазвучал в телефоне в ту же секунду, как Руби ответила.

Руби невольно улыбнулась, хоть и вздохнула. – Макс, сейчас только три часа, а ты уже звонил мне пять раз.

– Но я скучаю по тебе, – возразил Макс, его голос понизился до того низкого, убедительного тона, которому, как он знал, она не могла устоять.

– Ладно, ладно... я еду домой, – уступила Руби. Она начала собирать сумку и пиджак, прижимая телефон плечом к уху. В тот момент, когда двери её кабинета распахнулись, её охрана мгновенно выстроилась в боевой порядок, создав вокруг неё настоящую стену из мускулов, пока она шла по коридору.

– И ты не поверишь, твой дорогой сынок сегодня был у меня в кабинете, чтобы «извиниться», – сказала ему Руби, её голос был полон скептицизма.

Когда она завернула за угол к лифтам, она увидела его. Серон выходил из своего кабинета; выражение его лица было непроницаемым, но само его присутствие ощущалось как тёмная туча.

– До свидания, миссис Байрон, – произнёс Серон ровным и холодным голосом.

Руби не остановилась. Она бросила на него резкий, ледяной взгляд искоса, который говорил больше любых слов.

На другом конце провода тон Макса мгновенно сменился с любовного на хищный. – Я его слышал. Я сломаю этому ублюдку ногу, – прорычал он.

– Я с ним справлюсь, Макс. Я слишком хорошо знаю его выходки, – твёрдо сказала Руби, садясь в ожидающую машину. – Поверь мне, наши люди внимательно за ним следят. Надеюсь, мы скоро узнаем, что именно они затевают.

– Скоро увидимся, дорогая, – сказал Макс, и его голос снова смягчился прямо перед тем, как она завершила звонок.

Когда машина тронулась, Руби мельком увидела Нэнси сквозь тонированное стекло. Нэнси, сопровождаемая двумя охранниками, практически неслась к своей машине с бешеной энергией человека, который вот-вот опоздает на судьбоносный рейс.

Руби тихо рассмеялась, глядя, как её подруга исчезает в потоке машин. «Молода и влюблена», – подумала она. Она не могла винить её, ведь и сама была на её месте. Но пока за окном мелькали огни города, в груди у неё сжался маленький комок беспокойства. Она лишь надеялась, что Нэнси действительно знает, с кем встречается.

–

Напряжение в воздухе сгустилось, пока чёрный седан мчался по городу. Водитель Руби, бросая взгляды в зеркало заднего вида, крепче сжал руль.

– За нами охотятся, – пробормотал он.

Невзрачная серая машина висела у них на хвосте уже шесть кварталов. Когда они выехали на главный перекрёсток, охрана выполнила отточенный манёвр, который они отрабатывали десятки раз.

Четыре одинаковых чёрных внедорожника рванули в разные стороны, словно осколки шрапнели. Преследующая машина на долю секунды замерла, парализованная выбором, прежде чем погнаться не за той тенью. Они оторвались, по крайней мере, на время, но посыл был ясен: руки Вайолет были длинны, и она отчаянно пыталась найти их новое убежище.

59 Ловушка в меду

К тому времени, как они добрались до виллы, ночь уже поглотила окрестности. Фары пронеслись по гравию, осветив одинокую фигуру, стоявшую на крыльце.

Это был Макс. Вопреки предписаниям врача, его высокий и внушительный силуэт вырисовывался на фоне света, льющегося из дома.

Машина ещё не успела полностью остановиться, а Руби уже выскочила из неё. Она практически бросилась ему в объятия, и адреналин погони наконец сменился облегчением. Макс поймал её с тихим стоном, и его сила совершенно не вязалась с его ранениями.

«С тобой всё в порядке, дорогая», – прошептал он ей на ухо, его тёплое дыхание коснулось её кожи. Он не позволил её ногам коснуться земли, переноса её через порог в безопасность их дома, словно она была самым ценным грузом в мире.

Час спустя в доме царил тишина, нарушаемая лишь тихим бормотанием голоса Макса, доносившимся из кабинета. Он заперся на экстренное онлайн-совещание, его лицо было освещено холодным синим светом монитора, пока он координировал действия с Сэмюэлом.

В главной спальне Руби стояла под горячими струями душа с закрытыми глазами. Она прислонилась лбом к прохладной плитке, позволяя воде смыть с себя запах офиса и пережитый в дороге страх.

Каждый день был полем битвы, и, выйдя из душа и завернувшись в полотенце, она знала, что война только начинается.

Синий свет экрана ноутбука внезапно перекрыло уведомление. Глаза Макса расширились, когда изображение загрузилось. Руби, облачённая в алую шёлковую сорочку, облегавшую её изгибы, словно вторая, более опасная кожа. Кружево было настолько тонким, что казалось лишь намёком, а выражение её лица было прямым вызовом.

Не сказав ни слова в объяснение своим деловым партнёрам, Макс захлопнул ноутбук. Совещание было окончено.

Он повернулся, чтобы направиться в спальню, но дверь в кабинет щёлкнула. Там стояла Руби, и в реальности она была куда более захватывающей, чем её цифровой призрак в его телефоне. Она была огненным видением в тускло освещённой комнате.

«Вау... ты выглядишь...» – голос Макса подвёл его. Человек, командовавший тысячами, потерял дар речи при виде женщины перед ним.

Руби не произнесла ни слова. Она двигалась с хищной грацией, заперев за собой дверь с решительным щелчком. Она подошла к нему, не отрывая от него взгляда, и, положив руки ему на плечи, заставила его откинуться на спинку тяжёлого кожаного кресла руководителя.

«Расслабься, Макс», – прошептала она.

Она начала двигаться, и халат соскользнул с её плеч, упав на пол с мягким глухим стуком. Макс сидел совершенно неподвижно, его пульс отбивал бешеный ритм о рёбра, пока он наблюдал за ней.

Затем, с медленной, мучительной расстановкой, она стянула шёлковые бретельки красной сорочки. Ткань лужицей стекла к её ногам, оставив её обнажённой и сияющей в янтарном свете настольной лампы.

Она взобралась к нему на колени, усаживаясь верхом с медленной, собственнической страстью. «Я всегда держу свои обещания», – выдохнула она ему в губы.

Её ловкие пальцы растегнули пряжку его ремня, и лязг металла стал единственным звуком в тихой комнате. Она освободила его из плена брюк, не сводя с него глаз. Резко вдохнув, она направила его к себе, медленно опускаясь.

«Ах...» – выдохнула Руби, её голова откинулась назад, когда она почувствовала, как он полностью заполнил её. Она издала тихий, сдавленный вздох удовольствия, а её внутренние мышцы сжались вокруг него в тугой, бархатной хватке.

Руки Макса легли ей на бёдра, его пальцы впились в её кожу, чтобы удержать её. Он издал прерывистый стон, его голова ударилась о спинку кресла, когда он посмотрел на неё снизу вверх. Он задавал ей ритм, его бёдра поднимались навстречу её давлению сверху.

Он схватил Руби за талию с внезапной, нарастающей силой, без усилий подняв её с кресла.

«Да, детка», – прорычал Макс, его голос – грубый, рваный приказ.

Он пронёс её через комнату, и её спина встретилась с прохладным тёмным деревом двери кабинета с глухим стуком, который послал разряд электричества через них обоих. Руби крепко обвила ногами его талию, её пятки впились в его поясницу, пока она притягивала его ближе, желая как можно большего трения.

Теперь Макс взял инициативу, его движения были глубокими и безжалостными, его лоб прижался к её, пока они двигались в идеальной, отчаянной синхронности.

Внешний мир, угрозы, акции, тени Серона и Вайолет – всё полностью испарилось. Остались только жар комнаты и сокрушительная сила их связи.

У Руби перехватило дыхание, её пальцы впились в плечи Макса, когда она почувствовала нарастающее давление за глазами.

«Макс... прощу», – всхлипнула она, её голос сорвался.

Он не сбавлял темп. Он вошёл в неё в последний раз – мощный, заземляющий толчок, который разрушил остатки её самообладания. Длинный, прерывистый стон сорвался с её губ, когда она почувствовала, как волна оргазма прокатилась по всему её телу.

Спустя несколько секунд Макс издал гортанный звук, его мышцы напряглись, когда он последовал за ней в эту дымку, прижимая её к стене так, словно никогда не собирался отпустить.

Целую долгую минуту единственным звуком было неистовое биение их сердец и прерывистое дыхание. Напряжение, копившееся весь день, наконец спало, сменившись тёплым, тяжёлым спокойствием.

Медленно голова Макса опустилась ей на плечо, и тихий, срывающийся смех завибрировал на её коже. Руби ответила собственным дрожащим смешком, прислонившись лбом к его лбу.

«Неплохо, детка», – выдохнул Макс, и победоносная ухмылка тронула его губы, когда он медленно позволил её ногам соскользнуть на пол, хотя и не разжимал рук, крепко обвивавших её. «Совсем неплохо».

Руби откинулась назад, глядя на него с раскрасневшимися щеками и блестящими глазами. «Я бы сказала, что моё обещание официально выполнено».

—

Нэнси провела несколько часов перед зеркалом, балансируя между элегантностью и скрытой дерзостью. В своём шикарном дизайнерском пальто она выглядела настоящим профессионалом, но под ним было шёлковое платье-комбинация, прилегавшее к коже, словно тайное обещание – на тот случай, если вечер окажется таким же волнующим, как их переписка.

Когда она вошла в кафе, он уже был там. Его звали Джулиан, и живую он был ещё более обезоруживающим, чем на фото в профиле.

«Вау», – сказал Джулиан, вставая, когда она подошла. «Я думал, камера тебя любит, но очевидно, она не передаёт всей твоей красоты».

Нэнси покраснела, скользнув на сиденье в кабинке. «Лестью вы далеко пойдёте, Джулиан. Посмотрим, соответствует ли характер внешности».

Химия возникла мгновенно. Они провели час, потерявшись в разговоре – таком лёгком, непринуждённом диалоге, от которого весь остальной мир расплывался. Подошла официантка, застав рядом с блокнотом.

«Могу я принести вам что-нибудь ещё? Или только счёт?» – спросила официантка с понимающей улыбкой, заметив очевидную искру между ними.

«Вообще-то, – сказал Джулиан, не сводя глаз с Нэнси, – а где здесь лучшее место для десерта? Какое-нибудь... более уединённое?»

«В трёх кварталах отсюда, если пройти через переулок, есть винтажное кафе-мороженое», – предложила официантка. «Очень тихое, очень романтичное».

«Звучит идеально», – вставила Нэнси. Она посмотрела на Джулиана, её сердце бешено колотилось. «Не знаю, как ты, а я бы с удовольствием пошла куда-нибудь, где потише».

«Я надеялся, что ты так скажешь», – ответил Джулиан, его голос понизился до мягкого, манящего тембра.

60 Захваченный

– Минуточку, – сказала Нэнси, доставая телефон. Она посмотрела на витрину, где Алекс, её громадный телохранитель, стоял, словно каменный страж. Она вздохнула. Ей не хотелось, чтобы в эту часть вечера у неё был сопровождающий.

Она быстро напечатала: «Мы пошли за мороженым, это тут рядом. Подожди меня здесь, пожалуйста. Не порти мне всё!»

Она убрала телефон. – Пойдём?

– Веди, – сказал Джулиан. Вместо того чтобы направиться к главному входу, где стояла охрана, он указал на чёрный ход. – Это короткий путь. Так мы избежим толпы на главной улице.

Нэнси взяла его за руку, чувствуя трепет бунтарства, когда они вышли через чёрный ход на прохладный ночной воздух.

Десять минут спустя Алекс достал телефон из кармана. Он прочитал сообщение один раз, потом второй. Он резко повернул голову к столику, где сидела Нэнси. Тот был пуст. Он посмотрел на чёрный ход, затем на людную улицу.

– Чёрт! – выругался Алекс. Слово вырвалось у него, когда он понял, что она ускользнула. Он зашагал по тротуару, его рука зависла над рацией, а костюм насквозь промок от пота. Если она не вернётся через двадцать минут, он лишится работы, а возможно, и жизни.

Кафе-мороженое походило на ностальгическую мечту: приглушённое освещение, запах вафельных рожков и медленный джаз на фоне. Нэнси и Джулиан сидели в угловой кабинке, и флирт разгорался всё сильнее с каждой съеденной ложкой.

– У тебя немного шоколада... вот здесь, – прошептал Джулиан, протягивая руку, чтобы провести большим пальцем по уголку её губ. Прикосновение было как удар током, отчего у Нэнси перехватило дыхание.

Внезапно его телефон завибрировал. Джулиан взглянул на экран, и выражение его лица на долю секунды стало жёстким, прежде чем он вновь блеснул очаровательной улыбкой. – Прошу прощения. Это работа, они там без меня, кажется, и дышать не могут. Секунду?

Он отошёл в сторону, и его голос стал холодным и бесстрастным. – Да, босс, – сказал он в трубку. – Всё идёт по плану.

Он убрал телефон и скользнул обратно на своё место. В его потемневших глазах появилась новая, напряжённая страсть. – Чёрт, я сейчас совсем не могу сосредоточиться, – прошептал он, наклонившись ближе. – Есть столько всего, что я хотел бы сделать с тобой... и с этим мороженым.

Нэнси закатила глаза, хотя по её спине пробежала игривая дрожь. – Правда? И что же? – бросила она ему вызов, а её сердце колотилось о рёбра.

– Моя машина припаркована вон там. Я мог бы показать, – парировал он бархатным голосом.

У Нэнси голова шла кругом. Она чувствовала себя непобедимой, подпитываемая возникшей химией и азартом тайного приключения. «Вот оно, – подумала она. – Наконец-то у меня будет вечер для себя, да ещё и с таким красавчиком». – Хорошо, – улыбнулась она, выскальзывая из-за столика.

Они прошли несколько кварталов в сторону от главной улицы. Звуки города затихали, улицы становились темнее, а район – всё более промышленным. – Куда именно мы идём? – спросила Нэнси, наконец заметив, насколько тихим стало это место.

– В тихое место на пляже, – сказал Джулиан, и элегантный тёмный седан пискнул, отпирая двери. – Чтобы ты могла кричать сколько угодно, не привлекая внимания.

Нэнси рассмеялась. Её затуманенный похотью разум принял это за комплимент. Она забралась на пассажирское сиденье, уже представляя себе морской бриз. Но как только Джу-

лиан тронулся с места и центральный замок щёлкнул, салон начал наполняться странным, сладковатым химическим запахом.

Нэнси нахмурилась. Она повернула голову к Джулиану, но тот уже прижимал плотную ткань к своему носу и рту одной рукой, а другой вёл машину.

– Что это?.. – пробормотала она заплетающимся языком, и всё поплыло у неё перед глазами. Её руки и ноги словно налились свинцом. – Джулиан? Кто... где мы...

Слова замерли у неё в горле. Её голова безвольно откинулась на подголовник, веки затрепетали, а затем плотно сомкнулись.

Телефон выскользнул из её обмякшей руки и упал под сиденье, когда она погрузилась в тяжёлое, неестественное беспамятство. Джулиан наклонился к ней. С его лица исчез весь шарм, который был в кафе. Он заправил прядь волос ей за ухо.

– Сладких снов, Нэнси, – прошептал он. – Босс давно ждал встречи с тобой.

Джулиан загнал машину в тень ржавого склада, и двигатель с резким щелчком заглох. Он внёс обмякшее тело Нэнси внутрь – её голова безвольно моталась у него на плече – и усадил её на холодный металлический стул перед столом, освещённым одной-единственной лампой с резким светом.

Там сидела Вайолет. Струйка сигаретного дыма висела вокруг её резких черт лица. Она наклонилась вперёд и кончиком пальца подняла подбородок Нэнси, осматривая её, как скотину на ярмарке.

– Было бы таким расточительством тебя убивать, – задумчиво произнесла Вайолет голосом, похожим на скрежет стекла. – У тебя такое лицо, за возможность испортить которое мужчины платят целое состояние. Отвези её в клуб. Скажи Диего, что она только для особо важных клиентов. Как можно больше. Её смазливое личико сделает меня очень богатой.

Джулиан кивнул, но не двинулся с места. Он посмотрел на бесчувственное тело Нэнси, вспоминая её смех в кафе и её упоминание о том, что она девственница. Тёмная, собственническая волна прокатилась по его телу. Он хотел первым сломать её, прежде чем клуб заберёт всё остальное.

Он потянулся, чтобы поднять её, но Вайолет уловила хищный блеск в его глазах. Она была не из тех женщин, с кем можно шутить, и она точно поняла, о чём он думает.

– Нет, – рявкнула Вайолет холодным, не терпящим возражений голосом. – Она останется в точности такой, как есть. Мистер Грей в последнее время был полезен, и свежая, нетронутая девочка поможет удержать его на нашей стороне. Скажи Диего, чтобы «подготовил» её для мистера Грея сегодня вечером.

Джулиан напрягся, его челюсти сжались от досады, но он знал, что спорить бесполезно. «Готова» не означало тёплый приём. Это означало сильнодействующие седативные препараты – те, что лишали человека воли и превращали в пустую, покорную куклу.

– Накачай её наркотиками до полного подчинения, – добавила Вайолет, возвращаясь к своим счётным книгам. – Я хочу, чтобы она была в сознании и всё чувствовала, но была слишком сломлена, чтобы сопротивляться. Иди.

Джулиан снова подхватил Нэнси на руки и с холодным сердцем направился к машине. Он вёл её навстречу судьбе, что была куда хуже смерти, а в это время на вилле женщина, которой доверяла Руби, только начинала осознавать, что молчание её подруги стало слишком тревожным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.